

Russian Academy of Sciences
Institute of Oriental Studies
Saint-Petersburg Branch

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал

S. G. KLYASHTORNY
T. I. SULTANOV

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ
Т. И. СУЛТАНОВ

**STATES AND PEOPLES OF
THE EURASIAN STEPPE.
ANTIQUITY AND THE
MIDDLE AGES**

**ГОСУДАРСТВА И НАРОДЫ
ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ.
ДРЕВНОСТЬ
И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

St. Petersburg
2000

Санкт-Петербург
2000

УДК 935
ББК 63.3(0)31

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федеральной целевой программы
«Государственная поддержка интеграции высшего образования
и фундаментальной науки на 1997—2000 годы»*

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. — 320 с. — (Orientalia).

К 52 Работа посвящена проблемам происхождения, древней и средневековой истории кочевых народов Великой Степи, живших на огромных пространствах Евразии от бассейна Амура — на востоке до Дуная — на западе. Основное внимание авторы уделяют возникновению и истории первых кочевых империй, в недрах которых сформировались вначале племенные союзы, а затем и народы, говорившие, в основном, на тюркских языках — Тюркским каганатам (XI—IX вв.), Караканидскому и Уйгурскому государствам в Центральной Азии, Болгарскому государству в Приазовье, тюркским народам и племенам в составе Монгольской империи: Золотой Орде, казахским жузам, Казахскому ханству.

Длительная история государственности у кочевников Евразии рассматривается в тесной связи с историей их соседей — Китая, Ирана, Византии и Руси. Тюркская государственность породила специфические формы религиозных верований и письменной культуры, создавших неповторимый облик древнетюркской цивилизации, истории которой в монографии уделено немало места. Особенно сложная проблема генетических связей древнетюркских народов с современными тюркоязычными нациями впервые обсуждается на столь широком историографическом плане.

Книга рассчитана на преподавателей и студентов гуманитарных ВУЗов и факультетов, а также на самый широкий круг читателей, интересующихся прошлым народов Евразии.

Распространяется бесплатно.

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 5-85803-152-8

© С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов, 2000

© «Петербургское Востоковедение», 2000

Зарегистрированная торговая марка

© ORIENTALIA Зарегистрированная торговая марка

ПРЕДИСЛОВИЕ

На этнографической карте Евразии ясно обозначено соседство и прорастание друг в друга двух мощных этнических массивов — славянского и тюркского. Именно это соседство и сращение в небольшой степени определяют и диктуют реалии федеративного устройства России и ее политику в отношении крупнейших государств «ближнего зарубежья» — Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Туркменистана, Азербайджана. Всей своей исторической судьбой связаны с современной территорией России татары и чувашы в Поволжье, башкиры в Приуралье, кумыки, ногайцы, карачаевцы и балкарцы на Северном Кавказе, татары в Западной Сибири, алтайцы, шорцы, кумандинцы, хакасы, тувинцы и тофалары в Южной Сибири, якуты и долганы в Восточной Сибири. Значительная часть тюркского населения России, включая переселенцев из Центральной Азии и Закавказья, живет вместе с другими народами, вне своих этнических территорий. По последней общесоюзной переписи 1989 г. и с учетом естественного прироста за пять последующих лет тюркское население России составляет около 14 миллионов человек, а тюркское население перечисленных государств СНГ — превышает 40 миллионов человек.

История славяно-тюркских отношений в течение веков определялась не только драматическими коллизиями, но и исполненными жизненной силой симбиотическими процессами. Последняя тенденция сохраняется и поныне. Ее преобладание остается одним из условий гражданского мира и политической стабильности в Евразии. Пренебрежение исторически сложившимися формами симбиоза ради сиюминутных экономических и политических выгод чревато трагическими последствиями для судеб миллионов людей, населяющих Евразию.

Допустимо ли рассматривать всю совокупность тюркских народов как некое единство, выходящее за границы языкового родства? С начала XX в. и по сей день существуют и противостоят друг другу два противоположных ответа на этот вопрос. Первый ответ (*пантюркизм*, *тюркизм*) утверждает, что все тюркские народы составляют одну нацию, имеют общую прародину — Туран, а многочисленные языки, на которых они говорят, и не языки вообще, а лишь диалекты или наречия единого тюркского языка. Второй ответ, столь же непрекращаемый: никогда не было и не существует какого-либо тюркского этнического единства и сам термин *тюрк* первоначально обозначал не все родственные по языку племена, а лишь одну их группу. Все тюркские народы генетически связаны с территориями их нынешнего обитания. И естественно, между народами, говорящими на разных тюркских языках, существуют значительные ментальные, культурные и антропологические различия.

Обе эти крайние позиции активно эксплуатируются в политических целях. Одна помогает обосновать претензии на создание некоего единого государственного, федеративного или союзного, объединения (ассоциации) — «Великого Турана»; другая, напротив того, служит утверждению идей государственного или регионального патриотизма (национализма).

Создателем пантюркистской идеологии был турецкий философ и социолог Зия Гёкалп (1876—1924 гг.). Он сформулировал эту концепцию в двух своих работах — «Тюркизироваться, исламизироваться, модернизироваться» (версии 1913 и 1918 гг.) и «Основы тюркизма» (1923 г.). Его концепция носила культурно-исторический характер, ее политический аспект не акцентировался. Уже в первой работе Гёкалп пишет: «Родина тюрка — не Турция и не Туркестан, его родина — великая и вечная страна Туран!» [Gökalp, с. 63]. Главной задачей для тюркского мира Гёкалп считает создание общего тюркского языка и общей тюркской культуры. Здесь Гёкалп во многом повторяет и развивает идеи татарских публицистов — Исмаила Гаспринского (1851—1914 гг.) и Юсуфа Акчура (1876—1935 гг.). Особую популярность в Турции идеи Гёкалпа приобрели после второй мировой войны. Именно тогда его этнологические и философские воззрения были остро политизированы и стали основой для пересмотра истории тюркских народов в соответствующем духе. Особенно ярко идеи пантюркизма пропагандировались писателем и публицистом Нихалем Атсызом (1905—1975 гг.). Важнейшим вкладом в такого рода интерпретацию истории стали и труды российского ученого-востоковеда и крупного политического деятеля эпохи Октябрьской революции и гражданской войны Ахмета Закиевича Валидова, эмигрировавшего в Турцию и принявшего там имя Зеки Велиди Тоган. Ныне идеи пантюркизма весьма активно пропагандируются отдельными

деятели в Азербайджане, Урало-Поволжском регионе и Центральной Азии.

... Концепция автохтонизма, т. е. извечной связи народа с занимаемой им ныне территорией, первоначально проявлялась как естественная реакция на идеи пантюркизма. В 20—30-е годы, после «национального размежевания» в Средней Азии и образования союзных и автономных республик по этническому признаку, идеи автохтонизма получили мощную политическую поддержку. Именно эта концепция стала идеологической основой для обозначения истории каждого народа, разделения на «национальные потоки» общерегиональных исторических процессов. Нередко позитивное ядро этих весьма содержательных по привлекаемому материалу трудов обильно сдабривалось полемическими формулировками, якобы разоблачавшими идеи пантюркизма.

Обратимся для прояснения проблемы к реалиям тюркского этногенеза, к ранним этапам этнополитической истории тюркских народов, выявленных более чем вековым трудом прежде всего российских исследователей — археологов и филологов, историков и этнографов.

Как это было на самом деле?

Современная этническая карта, отражающая расселение тюркских народов, — это результат многотысячелетних этногенетических и миграционных процессов. Древнейшие очаги тюркского этно- и глоттогенеза, т. е. очаги первоначального формирования тюркских народов и языков, неразрывно связаны с востоком Евразии — Южной Сибирью и Внутренней Азией. Этот огромный регион не был изолирован ни от соседних цивилизаций, ни от горно-таежных и степных племен иного этнического облика. Так, евразийские степи между Волгой и Енисеем еще в VI—II тыс. до н. э. занимали индоевропейские племена европеоидного расового типа, те самые «индоевропейцы», многочисленные племена которых говорили на родственных друг другу языках индоиранской языковой семьи, балто-славянской языковой семьи, германской языковой семьи и многих других родственных языках. Преобладающими в восточной части Евразийских степей были древнейшие иранские языки, те самые, на которых создавалась Авеста и проповедовал Заратуштра (конец II тыс. до н. э.).

Далее мы достаточно подробно рассмотрим «индоевропейский» период истории Великой Степи, длившийся около двух с половиной—трех тысячелетий, ибо всякая изоляция по этническому признаку во времени и пространстве искусственно вычлещенных ареалов Евразийского степного пояса искажает реальную историю, открывает путь предвзятым трактовкам прошлого, используемым для односторонней политизации и националистических претензий.

По горным хребтам Алтая, протянувшимся на юг до пустыни Гоби, по долине верхнего Енисея и его притоков, прошла в ту далекую эпоху этноконтактная зона, к востоку от которой преобладали тюркские и монгольские племена, а к западу — индоевропейские. Трассы миграционных потоков, то усиливавшихся, то затихавших, пронизывали всю Великую Степь. В течение тысячелетий, вплоть до первых веков новой эры, тюркский этногенез был связан с востоком горно-степной зоны Евразии.

История взаимодействия и, отчасти, слияния всех групп древнего населения на протяжении двух—двух с половиной тысяч лет и есть процесс, в ходе которого осуществлялась этническая консолидация и сформировались тюркоязычные этнические общности. Именно из среды этих близкородственных племен во II тысячелетии н. э. выделились современные тюркские народы России и сопредельных территорий.

Многочисленные автохтонные племена (индоевропейские в Центральной Азии, угро-финские в Поволжье, Приуралье и Западной Сибири, иранские и адыгские на Северном Кавказе, самодийские и кетоязычные в Южной Сибири) были частично ассимилированы тюрками в период существования созданных ими этнополитических объединений, прежде всего гуннских государств первых веков н. э., древнетюркских каганатов второй половины I тыс. н. э., кипчакских племенных союзов и Золотой Орды уже в нашем тысячелетии. Именно эти многочисленные завоевания и миграции привели в исторически обозримый период к формированию тюркских этнических общностей на местах их современного расселения.

На протяжении всей древней и средневековой истории в среде тюркских народов складывались и преемственно закреплялись этнокультурные традиции, которые, имея зачастую различные истоки, постепенно формировали этнически существенные особенности, в той или иной мере присущие всем тюркоязычным племенам. Наиболее интенсивно формирование такого рода стереотипов происходило в древнетюркское время, т. е. во второй половине I тыс. н. э., когда определялись оптимальные формы хозяйственной деятельности (кочевое и полукочевое скотоводство), в основном сложился комплекс материальной культуры (тип жилища, одежды, средства передвижения, пища, украшения и т. п.), приобрела известную завершенность духовная культура, социально-семейная организация, народная этика, изобразительное искусство и фольклор. Наиболее высоким достижением этой эпохи стало создание тюркской рунической письменности, распространившейся со своей центральноазиатской родины (Монголия, Алтай, Верхний Енисей) до Подонья и Северного Кавказа.

Становление государственности на территории Центральной Азии, Южной Сибири и Поволжья в раннем средневековье (VI—

XI вв.) связано с образованием Тюркского каганата, традиции которого были унаследованы Уйгурским каганатом, государствами кыргызов на Верхнем Енисее, кимаков и кипчаков на Иртыше, Болгарским государством и Хазарским каганатом в Поволжье и на Северном Кавказе. Единство общественного устройства, этнокультурного родства и сходство политической организации всех этих государств позволяет рассматривать время их существования и преобладания в Великой Степи как относительно цельный историко-культурный период — период степных империй.

Следует определиться с термином «империя» применительно к государствам, созданным кочевниками Азии. Не пытаясь универсализировать свой вариант определения, отметим, что понятие «империя» распространяется нами только на полиэтнические образования, созданные военной силой в процессе завоевания, управляемые военно-административными методами и распадающиеся после упадка политического могущества создателя империи. Анализ исторических ситуаций возникновения империй показывает, что завоевательный импульс был направлен не столько на расширение пастбищных территорий (это аномальный случай), сколько на подчинение территорий с иным хозяйственно-культурным типом. На первом этапе завоевания фактором, определяющим его цели, является консолидация степных племен под властью одной династии и одного племени. Затем возникают стремления, реализуемые обычно в ходе военных акций, — поставить в зависимость от консолидированной военной мощи кочевников области и государства с более сложным устройством и более многообразной хозяйственной деятельностью. Такой баланс сил предполагает конечный итог — данную зависимость или какие-либо формы непосредственно политического подчинения. Именно на этой стадии государства, созданные кочевыми племенами, преобразуются в империи.

Монгольское нашествие захватило и вовлекло в водоворот политических и военных потрясений множество тюркских племен, по преимуществу кипчакских, которые к тому времени составляли основное население степи — от Великой Китайской стены до Дуная. Сами монголы после походов XIII в. частью вернулись на свою родину, частью постепенно растворились в тюркском массиве Средней Азии и Поволжья. Сохраняя зачастую древние монгольские племенные названия, они утрачивали свой язык, мусульманизировались, их знать сливалась со знатью тюркских племен. Новые тюркские аристократические роды присваивали себе монгольские генеалогии. Вплоть до XX в., например, среди казахов претендовать на высшие титулы могли лишь те, чьи *шед-жере* (родословные списки) подтверждали происхождение из «золотого рода» Чингизидов.

Перемешавшиеся в ходе завоеваний и бесконечных переселений XIII—XVI вв. племена поселялись на новых землях, раздвигая политические границы Великой Степи. Так, на рубеже XV—XVI вв. кочевые племена узбеков Дешт-и Кипчака (Кипчакской степи), возглавленные Чингизидом Мухаммадом Шейбани-ханом, овладели большей частью Средней Азии и создали Узбекское государство Шибанидов (потомков Шибана, сына Джучи, старшего сына Чингиз-хана). Другая часть узбеков Восточного Дешт-и Кипчака, узбек-казахи, еще в 70-х годах XV в. создала Казахское ханство. На землях расколовшихся и обособившихся улусов Монгольской империи, управляемых Чингизидами, начался новый этап тюркского этногенеза — этап интенсивного смещения с субстратным населением, начальный этап формирования современных тюркских народов.

Вместе с тем XVIII—XIX вв. в истории государств Средней Азии и Казахстана, вплоть до присоединения к России, были эпохой относительной изоляции этого огромного региона, эпохой непрерывных усобиц, приведших к политическому, хозяйственному и культурному застою, эпохой деспотической власти сравнительно небольших элитарных групп, из среды которых выдвигались ханы, и полного бесправия основной массы населения, значительная часть которого жила в крайней бедности. Лишь начавшееся в XIX в. развитие русско-туркестанских экономических и культурных связей привело к постепенному оживлению хозяйственной жизни и новому росту городов и торговли.

Итак, принимая тезис об относительном сходстве исторических судеб большинства тюркских племен и народов на протяжении не менее чем двух тысячелетий, связанности их этнической истории в рамках общей истории Евразии, мы отказываемся и от тезиса об извечном существовании единой тюркской нации, и от тезиса об извечном автохтонизме современных тюркских народов.

Историческое взаимодействие Руси—России с Тюркским миром имеет полуторатысячелетнюю историю и первоначально осуществлялось отнюдь не в мирных формах. Расселение тюркских племен на запад из Центральной Азии в V—XV вв. породило по меньшей мере два опыта военно-политической интеграции евразийского пространства — огуро-тюркский в V—X вв. и монголо-тюркский в XIII—XV вв. Начавшееся в XVI в., когда ясно обозначилось аграрное перенаселение российского центра, расширение сферы российской государственности на восток и юго-восток и сопровождавшие его миграционные процессы были столь же неизбежны, как в предшествующее время расселение тюркских народов, чьей хозяйственной базой являлось кочевое скотоводство на западе Евразийских степей. Показательно, что, различаясь хронологически, эти процессы, охватившие южные пространства России, Приуралья и Поволжья, Сибири и Северного Казахстана,

в ареальном отношении совпадали. Но, в отличие от западных миграций тюркских народов, русское распространение на восток и юго-восток имело иную хозяйственную подоплеку — экономической базой этого мощного миграционного потока было пашенное земледелие. Пашня не вытеснила пастбище, но совместилась с ним, породив новые типы хозяйственного симбиоза.

Создававшиеся кочевниками государственные образования Великой Степи отличались крайней неустойчивостью, низкой конфликторазрешающей способностью. Они не обеспечивали безопасность хозяйственной деятельности, более того — порождали постоянные войны, зачастую завершавшиеся подлинным геноцидом. Так, в 1723—1727 гг., запечатленных в народной памяти казахов как «годы великого бедствия», значительная часть казахского народа, раздробленного на враждовавшие между собой владения, была вырезана джунгарами. Впрочем, эта страшная резня была лишь продолжением серии джунгарских вторжений 1681—1684, 1694, 1711—1712, 1714—1717 гг. Устанавливая новую систему властных отношений, Россия выполняла миссию умиротворения Великой Степи, а позднее — Туркестана, стягивая воедино геополитическое пространство Евразии.

Таким образом, история тюркских народов, вместе с другими племенами кочевого населения Великой Степи, является органической частью общей истории Евразии и с древнейших времен неотделима от истории славянских государств Восточной Европы. Хотя впоследствии, в XVI—XIX вв. преобладающая часть этих народов, больших и малых, вошла в состав многонациональной Российской империи, процессы исторической жизни Пашни и Степи сохраняли, вплоть до середины нашего тысячелетия, относительную внутреннюю самостоятельность. Сложение общего для них геополитического пространства, начавшееся одновременно с возникновением Киевской Руси и хазаро-болгарских государств в Северном Причерноморье и Поволжье, интенсифицировалось значительно позднее.

Поэтому рассмотрение истории тюркских народов и созданных ими государственных образований лишь в аспекте истории России—СССР, как это было в недавнем прошлом, методически неоправданно и практически лишает тюркские народы Евразии собственной национальной истории. Назрела необходимость в монографии, которая содержала бы последовательное и многоаспектное освещение проблем происхождения тюркских народов, их ранней истории, а также истории территорий, с которыми связан тюркский этногенез, освещение вопросов возникновения государственности и ее развития у тюркских народов, формирования хозяйственно-культурных типов, присущих этим народам, их традиционных верований, сложения этнических и национальных культур.

Предлагаемая читателю монография, естественно, не претендует на полное изложение истории тюркских народов. Из всего многообразия их прошлого мы выделили лишь то, что составляет костяк древней и средневековой истории — основные события прошедших веков, формирование хозяйства, религиозной идеологии, культуры и государственности, рассмотренные в связи и взаимодействии с историей других народов и государств Евразии. Хронологически книга охватывает события, происходившие на территориях формирования тюркских народов в течение более чем трех тысячелетий. Необходимость рассмотрения исторически длительного периода диктуется резкой сменой этапов и направления этногенетических процессов, их последовательным усложнением. Пики этнических переломов приходятся на начало и середину II тыс. до н. э., середину I тыс. н. э., XIII—XVI вв., вторую половину XIX—XX в.

Мы завершаем свое изложение на времени вхождения тюркских государств Поволжья и Сибири в состав Московского царства — Российской империи. С этого времени тюркские народы Евразии оказались в иных геополитических условиях. Начался процесс их интеграции в состав России, судьбу которой им предстояло разделить.

* * *

Первая, вторая и третья главы монографии написаны С. Г. Кляшторным, четвертая и пятая — Т. И. Султановым.

SUMMARY

States and peoples of Eurasian steppes. Antiquity and Middle Ages

The work is dedicated to the problems of provenance, ancient and medieval history of nomadic peoples who had inhabited huge territories of Eurasia from the Amur river basin in the east up to the Danube river in the west. The researchers pay their main attention to the origin and history of the first nomadic empires: Turkic Qa'anates (6–9 centuries), Qarakhanid and Uyghur states in Central Asia, Bulgar state in the Sea of Azov region, Turkic peoples and tribes within the Mongol empire: the Golden Horde, Kazakh zhuzes and Kazakh kate. Tribal unions and later peoples speaking Turkic languages formed in the depths of these empires.

Long-time history of state systems of Eurasian nomads is examined in close relation with the history of their neighbours, those from China, Iran, Byzantine and Russ. Turkic state system had created specific forms of religions beliefs and literary culture that created a unique aspect of ancient Turkic civilization. Its history is paid much attention in the monograph as well. An especially complicated problem of genetic ties of ancient Turkic peoples with contemporary Turkic-speaking nations is discussed at such a vast scale for the first time.

The book has been aimed for lecturers and students of institutions and faculties of humanities, as well as for the vast range of those readers interested in the past of Eurasian peoples.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5	Памятники письменности тюрков Центральной Азии и Сибири в раннем средневековье	150
ГЛАВА I. МИР ПЕРВЫХ КОЧЕВНИКОВ	13	Религия и верования	156
Эпоха боевых колесниц	14	ГЛАВА IV. ТЮРКСКИЕ ГОСУДАРСТВА И НАРОДЫ ПОСЛЕ МОНГОЛЬСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ	165
Страна ариев	20	Монголо-татары и Чингиз-хан	165
Саки	31	Яса и билики Чингиз-хана	169
ГЛАВА II. ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ С ВОСТОКА	47	Начало династии Чингизидов	174
Этнолингвистическая ситуация в Великой Степи в начале I тыс. н. э.	47	Концепция верховной власти у древних монголов	176
Ранние кочевники Центральной Азии	49	Сложение монгольского государства с центром в Поволжье — Золотой Орды (Джучиев Улус)	183
Держава гуннских шаньюев	52	Основные черты устройства Золотой Орды	192
Юэчжи и гунны	54	Тюркские племена в составе Джучиева Улуса, их миграции и этническая история	202
Хозяйство, общественное и государственное устройство гуннов	60	Распад Золотой Орды и возникновение новых тюркских государств	214
Расцвет и упадок кочевой империи	65	Исламизация кочевников Дешт-и Кипчака	219
Гунны у границ Римской империи	67	Культура золотоордынского времени	228
Гунны между Алтаем и Аралом	68	ГЛАВА V. СУДЬБА ВЛАСТНОЙ ЭЛИТЫ ВОСТОЧНОГО ДЕШТ-И КИПЧАКА И СТЕПНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	232
ГЛАВА III. СТЕПНАЯ ИМПЕРИЯ ТЮРКОВ И ЕЕ НАСЛЕДНИКИ	72	Время образования Казахского ханства	232
Сложение древнетюркского союза племен	74	Казак: историко-политологическое и этническое содержание термина	236
Общая концепция этнической истории древнетюркских племен	78	Хозяйство и быт кочевников	243
Первый Тюркский каганат (551—630 гг.)	83	Социальное устройство в Казахском ханстве	264
Тюрки в Средней Азии	85	Первые контакты и политические связи Казахстана и России	281
Тюркский каганат, Сасанидский Иран и Византия. Шелковый путь	88	Пашня и Степь — формы и результаты взаимодействия двух миров	288
Западнотюркский каганат. Согдийские колонии Семиречья	90	Цитированные источники и литература	298
Возрождение Восточнотюркского каганата. Тюркешский каганат. Борьба с арабами	94	Список сокращений	304
Уйгурский каганат и Карлукское государство. Караханиды	99	Summary	305
Кипчаки и половцы	108		
Татары в Центральной Азии	128		
Болгары в Евразийских степях	134		
Общественные идеалы и социальное устройство в древнетюркских государствах	139		